

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1883**

Выпуски 9-12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1883: Выпуски 9-12 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 780 с.

ISBN 978-5-458-38637-1

«Русский архив» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартнев – историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартнев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартнева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартнев подбирал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартнева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартнева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-38637-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

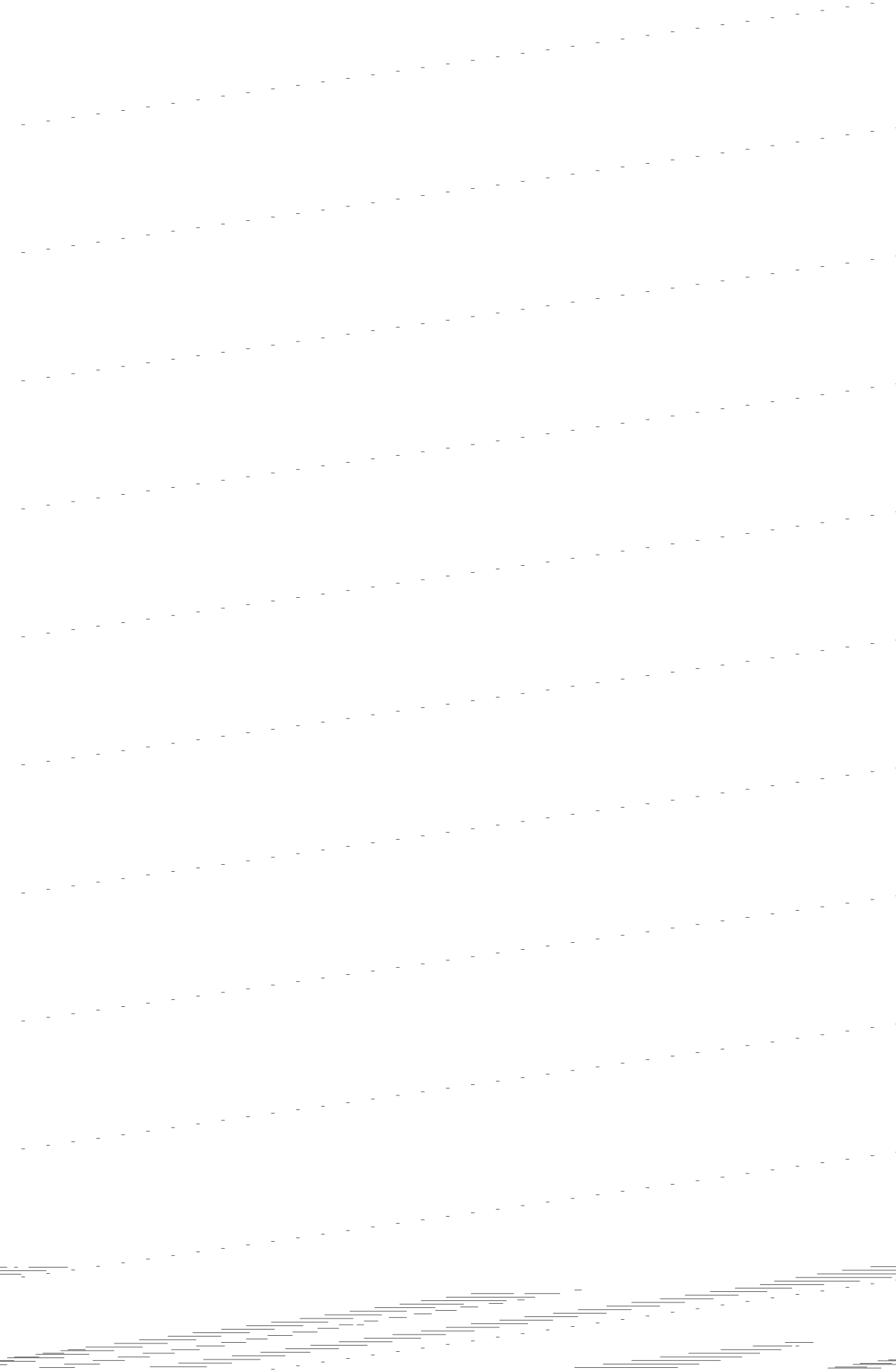
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Перепечатка статей и историческихъ бумагъ изъ Русскаго Архива, какъ въ цѣломъ составѣ, такъ и въ отрывкахъ, не допускается безъ предварительнаго соглашенія съ издателемъ.

БРАТЯ ОЛСУФЬЕВЫ, ОБЕРЪ-ГОФМЕЙСТЕРЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Переписка ихъ съ княземъ А. Д. Меншиковымъ.

(1717—1727).

Матвѣй Дмитріевичъ Олсуфьевъ, равно какъ и братъ его Василій Дмитріевичъ, числились въ ряду самыхъ приближенныхъ къ Петру Великому лицъ, хотя имена ихъ рѣдко встрѣчаются у современныхъ и позднѣйшихъ историковъ.

Главнѣйшую причину этого забвенія со стороны историковъ слѣдуетъ полагать въ томъ, что собственно-научныя изслѣдованія Петровской эпохи по источникамъ, на основаніи приемовъ новѣйшей исторической критики, начались у насъ только во второй четверти текущаго столѣтія и далеко еще не доведены до конца; а между тѣмъ почти всѣ фамильныя бумаги Олсуфьевыхъ, которыя могли бы освѣтить дѣятельность двухъ братьевъ, современниковъ Петра Великаго, ближайшихъ, непосредственныхъ свидѣтелей главнѣйшихъ событій его царствованія, безслѣдно исчезли во время пожара Москвы въ 1812 году. Почти все, что тщательно берегалось тремя поколѣніями,—семейныя бумаги и документы, подарки царственныхъ особъ и иностранныхъ государей, старинное серебро, коллекція рѣдкихъ книгъ, гравюръ и картинъ, собранная Адамомъ Васильевичемъ Олсуфьевымъ,—все это находилось въ Московскомъ домѣ Дмитрія Адамовича *), внука Василя Дмитріевича, и въ виду нашествія Французовъ было зарыто въ кузницѣ и въ подвалѣ подъ кузницею, на заднемъ дворѣ его дома, на углу Тверской и Леонтьевскаго переулка **).

*) Бывшаго въ 1805 году Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

***) Это единственный на Тверской улицѣ домъ изъ допоярной Москвы, не перемѣнившій съ того времени фамиліи владѣльца.

Кладъ былъ зарытъ бережно, тайна сохранялась тщательно многими, оставшимися въ Москвѣ челядинцами обширной Олсуфьевской дворни; но въ средѣ ихъ нашелся таки измѣнникъ—выѣздной лакей Юрковъ, указавшій тайникъ шайкамъ Французскихъ мародеровъ и Московской черни, грабившимъ, послѣ пожара, уцѣлѣвшіе дома столицы. Все было расхищено и истреблено въ продолженіи немногихъ часовъ, такъ что только нѣсколько гравюръ, изрѣдка попадающіяся у букинистовъ въ Парижѣ, съ собственноручною подписью Адама Васильевича Олсуфьева, свидѣлствуютъ о богатомъ и рѣдкомъ выборѣ его, знаменитой въ свое время, коллекціи. Извѣстное его собраніе старинныхъ Русскихъ лубочныхъ картинъ, единственное въ своемъ родѣ, уцѣлѣло только потому, что во время разгрома Москвы находилось въ Петербургѣ у князя Бѣлосельскаго, въ потомствѣ котораго, у князя К. Э. Бѣлосельскаго, оно и до сихъ поръ сохраняется. Квартировавшій въ пощаженномъ отъ пожара Олсуфьевскомъ домѣ Французскій маршалъ пришелъ въ такое негодованіе отъ вѣроломнаго поступка Юркова, что сдѣлалъ даже распоряженіе его повѣсить на главныхъ воротахъ дома, выходящихъ на Тверскую; но, воспользовавшись какимъ-то счастливымъ случаемъ, негодяй успѣлъ бѣжать и, прощенный своими господами, мирно кончилъ свою жизнь въ ихъ Орловскомъ имѣніи, въ сороковыхъ годахъ.

Оба брата Олсуфьевы были оберъ-гофмейстерами: Матвѣй—двора Императора и Василій Императрицы *). Они, вмѣстѣ съ графомъ Апраксинымъ и княземъ Трубецкимъ, первые въ Россіи получили высшіе придворные чины новаго, Нѣмецкаго образца. Изъ переписки братьевъ Олсуфьевыхъ съ княземъ Меншиковымъ, обнимающей періодъ времени съ 1716 по 1727-й годъ, видно, что оба они находились безотлучно во все это время при особахъ ихъ величествъ, сопровождая ихъ во всѣхъ путешествіяхъ и походахъ какъ за границу, такъ и въ Россіи. Только съ низоваго похода на Каспійское море, въ 1722 году, имѣются письма одного Матвѣя Дмитріевича. Можно полагать, что

*) Князь Долгорукій, основываясь вѣроятно на дневникѣ камеръ-юнкера Беркгольца, ошибочно утверждаетъ, что Василій состоялъ при Императорѣ, а Матвѣй при Императрицѣ. Кромѣ свидѣтельства печатаемыхъ ниже писемъ, въ родѣ Олсуфьевыхъ сохранился документъ, ясно указывающій ошибку Беркгольца: грамота за подписью Петра Великаго, данная въ Москвѣ 3-го Февраля 1723 года, которою онъ жалуетъ Василья Дмитріевича Олсуфьева, за „его службу при дворѣ съ 1701 г. и управление съ 1708 года дворовыхъ императорскихъ дѣлъ, и за нахождение съ тѣхъ поръ неотлучно при Государѣ во всѣхъ воинскихъ и другихъ походахъ, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ“, въ званіе оберъ-гофмейстера двора ея величества Императрицы.

Василій Дмитріевичъ въ то время уже былъ одержимъ болѣзною, отъ которой онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по возвращеніи двора умеръ, и что по этому его мѣсто «маршалка» при Императрицѣ, въ походѣ 1722 года, занялъ Матвѣй, вступившій окончательно въ управленіе собственными дѣлами Императрицы послѣ смерти брата, въ Декабрѣ 1723-го года, не переставая вмѣстѣ съ этимъ завѣдывать и общими дѣлами дворцовой канцеляріи. Впрочемъ разграниченія дворовъ Государева и Императрицы, и обязанностей лицъ служащихъ при нихъ, въ то время, какъ и теперь, не существовало; поэтому часто видно изъ первыхъ даже писемъ Матвѣя Олсуфьева, что онъ дѣйствовалъ по приказаніямъ Царицы, а изъ переписки Василія Олсуфьева, что онъ получалъ отъ Меншикова распоряженія и суммы относившіяся до содержанія высочайшаго двора. Но когда царственная чета разлучалась, то мы постоянно видимъ Матвѣя доносящаго Меншикову объ «обращеніяхъ» Царя, а Василія точно также обстоятельно увѣдомляющаго свѣтѣйшаго князя о „пребываніяхъ“ Царицы.

Матвѣй Дмитріевичъ сопровождалъ Петра Великаго даже въ морскихъ кампаніяхъ, находясь на его флагманскомъ кораблѣ «Ингерманландъ», съ котораго въ Іюнѣ и Іюлѣ 1719-го года онъ отправилъ пять писемъ къ князю Меншикову.

Значенію Матвѣя при дворѣ несомнѣнно много способствовала его женитьба на любимой фрейлинѣ Императрицы Аннѣ Ивановнѣ Сениавиной, дочери контръ-адмирала Ивана Акимовича, замѣчательной красавицѣ того времени, какъ можно судить по сохранившемуся современному портрету. Анна Ивановна Олсуфьева была изъ первыхъ Русскихъ статей-дамъ: она получила это званіе и портретъ Императрицы *), украшенный брилліантами, на Андреевской лентѣ, въ день коронованія Екатерины въ 1724 году. Надобно предполагать, что во время заграничнаго путешествія Екатерины въ 1716 и 1717 годахъ А. И. Олсуфьева вмѣстѣ съ Анисьей Толстой, Аппой Пашиной и фрейлиной Гамильтонъ находилась въ свитѣ Царицы, съ которой она по окончаніи этого путешествія прибыла въ концѣ 1717 года въ Москву. Это можно заключить впервыхъ изъ заграничныхъ писемъ Матвѣя Дмитріевича въ Петербургъ къ Меншикову, въ которыхъ онъ постоянно поручаетъ благорасположенію

*) По случаю пожалованія статей-дамъ этими портретами, Карабавовъ рассказываетъ, что Петръ, руководимый ему одному извѣстными побужденіями, одной изъ этихъ барынь, княгинѣ Кантемиръ, не пожелалъ дать портрета Императрицы, а замѣнилъ его своимъ собственнымъ, съ которымъ княгиня Кантемиръ и представлена на всѣхъ современныхъ изображеніяхъ.

князя свою матушку и дѣтей, не упоминая о женѣ; во вторыхъ изъ наказа князя Меншикова адъютанту его Нестерову отъ 14 Декабря 1717 года о заготовленіи лошадей для проѣзда двора.

Помѣщаемъ ниже, дословною выпискою изъ этого наказа, списокъ лицамъ *), для которыхъ приказано было готовить лошадей на ста-

*) Подъ проѣздъ Императора требовалось:

Въ сани Его Величества.....	5 лошадей.
Въ линейку Его Величества.....	5 „
Верховыхъ впередъ Его Величества	2 „
Генер.-маіору Головину	6 „
Генераль-маіору Ягужинскому	3 „
Доктору Арескину	6 „
Лакостѣ	3 „
Гр. Платону Мусину-Пушкину.....	3 „
Господину Макарову	3 „
„ Мурзину	3 „
„ Олсуфьеву.....	3 „
„ Матюшкину	3 „
Четыремъ урядникамъ.....	3 „
Гину кухмистру.....	3 „
Мошкову	3 „
Денщикамъ	3 „
Для походной канцеляріи и для книгъ	3 „
Поварамъ.....	6 „
Поляку (sic.)	3 „
Для проѣзда Императрицы:	
Въ сани Ея Величества	6 „
Анисѣ Толстой.....	5 „
Аннѣ Паниной.....	6 „
Олсуфьевой.....	5 „
Марьѣ Гамильтонъ и Устинѣ	5 „
Семеновой.....	5 „
Доктора Блюментроста женѣ	5 „
Шепелеву	2 „
Кошелеву.....	2 „
Чекину	2 „
Олсуфьеву.....	3 „
Бабкѣ Александрѣ Яковлевой.....	4 „
Мишкову (Мошкову?).....	3 „
Двумъ пажамъ.....	3 „
Коскѣ Семенову	3 „
Фурманка подъ платьемъ.....	1 „
Кухмистру	2 „
Поварамъ.....	9 „
Петровнѣ.....	3 „
Конюхамъ и подъ шоры.....	10 „
Французу Бомону.....	4 „
Портомойницѣ	4 „
Княгинѣ Прозоровской	3 „

(Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, бумаги князя Меншикова).

нахъ, и вѣдомость о числѣ этихъ лошадей. Документъ этотъ любопытенъ; онъ наглядно доказываетъ, какъ просты и неприхотливы были въ то время путешествія царскихъ особъ, въ особенности въ сравненіи съ расточительной роскошью вояжей Екатерины II и послѣдующей эпохи; и до какой степени свита и придворная прислуга Петровскихъ временъ были немногочисленны и маловзыскательны въ своихъ требованіяхъ. Иной богатый баринъ конца царствованія Екатерины II, только для своего переѣзда изъ «отчины» въ Москву «на зиму», сгонялъ болѣе крестьянскихъ лошадей, нежели требовалось подъ проѣздъ всего двора великаго Царя, ревностнаго рачителя государственной казны, «зѣло скупаго», по собственному его выраженію, «на народную копѣйку».

Неизвѣстно, гдѣ получили образованіе братья Олсуфьевы; можно думать, что они были въ числѣ молодыхъ дворянъ, посланныхъ Петромъ для обученія за границу послѣ перваго его путешествія въ чужіе края, хотя въ дошедшихъ до насъ спискахъ, конечно неполныхъ, ихъ имена не встрѣчаются. Во всякомъ случаѣ оба они, въ особенности Матвѣй, судя по слогу и правописанію ихъ, болшею частью, собственно-ручныхъ писемъ, были для того времени люди воспитанные, и по образованію стояли не ниже, ежели не выше, многихъ своихъ сверстниковъ по службѣ при Царѣ, изъ которыхъ иные вовсе не умѣли писать, какъ на примѣръ, даровитѣйшій впрочемъ, князь Меншиковъ, который ограничивался заученнымъ, машинальнымъ подчеркиваніемъ бумагъ своей огромной, всеобъемлющей переписки; другіе же съ трудомъ выводили, устарѣлымъ церковнославянскимъ слогомъ, невообразимые іероглифы.

Что оба брата были усердными сторонниками великихъ реформъ Царя-преобразователя слѣдуетъ заключить изъ ненависти, которую къ нимъ питалъ паревичъ Алексѣй. Изъ дѣла несчастнаго Царевича видно, что въ душевныхъ бесѣдахъ съ друзьями, которыя потомъ послужили главными пунктами его обвиненія, обоихъ Олсуфьевыхъ онъ причислялъ къ лицамъ, которымъ, по воцареніи своемъ, сулилъ различныя казни и невзгоды *).

Петръ неоднократно посѣщаль дома своихъ «маршалковъ»—титулъ, которымъ пользовались Олсуфьевы до пожалованія ихъ въ оберъ-гофмейстеры, пироваль на свадьбѣ Матвѣя и лично принималъ отъ

*) Показаніе Ивана Леонасьева Большаго, на допросѣ въ застѣнкѣ. (Устряловъ. Царевичъ Алексѣй).

купили у Василья Олсуфьева сына его, будущаго кабинетъ-министра Екатерины II, Адама Васильевича. Сохранилось семейное преданіе, что имя это, совершенно необычное между Русскими, было дано новорожденному по волѣ самаго Государя, находившагося въ веселомъ настроеніи духа и пожелавшаго противопоставить антитезу Библейской генеалогіи прародителей. Зная, что родительница называлась Еввою Ивановною (она была родомъ Датчанка, по фамиліи Голландеръ), Петръ сказалъ: «Богъ отъ Адама произвелъ Евву, пускай Евва теперь производитъ Адама». Воля Царя была исполнена, и съ тѣхъ поръ имя Адама, наперекоръ православнымъ святцамъ, постоянно встрѣчается въ родѣ Олсуфьевыхъ.

Извѣстно, что Петръ Великій испробовать всѣ возможныя ремесла. По народному мѣткому преданію, онъ только не умѣлъ лаптей плести. Между прочимъ Царь любилъ дергать зубы и считалъ себя отмѣннымъ зубнымъ лѣкаремъ. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ находится цѣлая коллекція зубовъ вырванныхъ Петромъ Великимъ; между прочими хранится подъ № 1-мъ повидимому здоровый зубъ съ надписью: «Зубъ Еввы Ивановны, жены Василья Дмитріевича Олсуфьева». Безчисленные анекдоты свидѣтельствуютъ о самобытности Петра Великаго и о странностяхъ его шутокъ, когда онъ бывалъ въ веселомъ настроеніи духа. Шутки эти часто тяжело отзывались на его приближенныхъ, и можно предполагать, что эта память Царя-самоучки во всемъ, даже въ ремеслѣ дантиста, имѣетъ отношеніе къ кумовству Петра съ домомъ его маршалка. Не пожелалъ ли онъ и тутъ пошутить и идти наперекоръ традиціямъ? Въмѣсто того, чтобы по Русскому обычаю подарить кумѣ на зубокъ, взялъ онъ отъ нея зубъ, да къ тому же еще здоровый.

Петръ выказалъ привязанность свою къ Василію Дмитріевичу и послѣ его смерти, присутствуя на его пышныхъ похоронахъ, которые подробно описываетъ въ дневникѣ своемъ камеръ-юнкеръ Берхгольцъ; при этомъ случаѣ Царь удостоилъ принять изъ рукъ его сына Адама Васильевича, тогда еще семилѣтняго ребенка, золотой помпальный перстень съ вензелемъ Олсуфьева.

Второй оберъ-гофмейстеръ, Матвѣй Дмитріевичъ, много лѣтъ пережилъ своего брата. Онъ игралъ болѣе важную роль, нежели Василій и пользовался повидимому особымъ довѣріемъ Петра Великаго. Ему часто поручались важныя дѣла, не имѣвшія ничего общаго съ придворною службою.

Подъ его вѣдѣніемъ находилось только-что возникшее при Петрѣ государственное коннозаводство, и, если вѣрить Запискамъ князя Пе-

тра Долгорукаго, то одинъ изъ послѣднихъ указовъ, подписанныхъ Императоромъ уже на смертномъ одрѣ, относящейся до этой части, былъ поднесенъ ему Матвѣемъ Дмитріевичемъ. Ему также было поручено, еще въ 1714-мъ году, разыскивать въ Лифляндіи родственниковъ Екатерины I-й.

Князь Долгорукій въ своихъ, не всегда впрочемъ исторически вѣрныхъ, Запискахъ, говоритъ, что Матвѣй Олсуфьевъ, вмѣстѣ съ лекаремъ Паликалою, содѣйствовалъ разрыву связи Петра Великаго съ княжною Кантемиръ, мечтавшей одно время, не безъ основанія, занять мѣсто Екатерины, какъ признанной подруги Царя; и что этому обстоятельству онъ въ особенности былъ обязанъ расположеніемъ къ нему будущей Императрицы. Намъ впрочемъ никогда не случилось встрѣчать какія-либо доказательства, которыя бы подтверждали участіе Олсуфьева въ темной интригѣ, разыгранной въ господарскомъ дворцѣ въ Яссахъ и имѣвшей послѣдствіемъ разрушеніе красоты и здоровья дочери Молдавскаго господаря, этой единственной опасной соперницы Екатерины.

Въ день коронованія Екатерины оберъ-гофмейстеръ Олсуфьевъ участвовалъ въ торжествѣ, шествуя передъ Императрицею съ маршальскимъ жезломъ, а молодая жена его несла съ тремя другими придворными дамами шлейфъ Ея Величества.

Въ послѣдній годъ царствованія Екатерины, Матвѣй Дмитріевичъ утратилъ свое значеніе при дворѣ, какъ это замѣтно изъ измѣнишагося тона его тогдашнихъ писемъ къ князю Меншикову. Управление дворомъ перешло къ пожалованному въ это время камергеромъ, молодому и красивому фавориту, Рейнгольду Фонъ-Левенвольду, обладавшему, кромѣ преданности и усердія, иными недостававшими старѣвшему Матвѣю Дмитріевичу преимуществами. Борьба съ могущественнымъ фаворитомъ была слишкомъ неравная, и старый царедворецъ, наполовину только утѣшенный пожалованною ему Александровскою лентою, покинулъ свои Петербургскія палаты *), и удалился на покой въ Москву, гдѣ у него былъ обширный барскій домъ, на улицѣ носившей до пожара двѣнадцатаго года имя Олсуфьевской (въ теперешней Лефортовской части); лѣтнее время проводилъ онъ въ своихъ подмосковныхъ селахъ Алѣеровъ и Собакинѣ, въ тогдашнемъ Мытищенскомъ станѣ.

*) Петербургскій домъ Матвѣя Дмитріевича находился на теперешней дворцовой набережной, на мѣстѣ гдѣ нынѣ дворецъ Великаго Князя Владимира Александровича, между домами гофмаршала Шепелева и Кушелева. Изображеніе его существуетъ до сихъ поръ на прекрасной картинѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Не смотря на то, что учрежденіе Государственнаго Контроля тогда еще не существовало, однако начеты и удержанія за переборы съ придворныхъ и иныхъ чиновъ, въ особенности когда они были «не у дѣль» или въ опалѣ, производились строго и исправно. Впрочемъ, какъ видно, недруги Матвѣя Дмитріевича могли указать на не-многіе такіе съ его стороны недочеты, такъ какъ изъ указа дворцовой канцеляріи, помѣченнаго Январемъ 1730 года и требовавшего къ возврату въ Московскій Сытный Дворъ излишне отпущеннаго, въ прежніе года—года власти и значенія, въ Петербургскій домъ оберъ-гофмейстера, вина оказывается, что такового было только 90 бутылокъ Венгерскаго и 5-ть ведеръ другаго простаго. Бутылки были возвращены по назначенію, въ чемъ до сихъ поръ сохранилась квитанція.

Въ точности намъ неизвѣстно, когда умеръ Матвѣй Дмитріевичъ, но во всякомъ случаѣ ранѣе 1753 года, помѣченнаго въ Родословной Книгѣ князя Долгорукаго, такъ какъ онъ и жена его показаны уже умершими въ сохранившемся раздѣльномъ актѣ между его дѣтьми (помѣченномъ 1750-мъ годомъ).

Этотъ раздѣльный актъ опровергаетъ показаніе Долгорукаго объ огромномъ состояніи оставленномъ Олсуфьевымъ: въ немъ исчислено всего четыре тысячи съ небольшимъ душъ, ему принадлежавшихъ въ Тверской, Новгородской и Московской губерніяхъ, и нѣсколько гаковъ земли въ Лифляндіи, перешедшихъ къ нему послѣ второй его жены *), рожденной Фонъ-Данненстернъ.

Изъ грамоты Петра, жаловавшей Василья Дмитріевича Олсуфьева оберъ-гофмейстеромъ, видно, что онъ находился безотлучно при царѣ съ 1701-го года; надобно думать, что съ самаго этого времени началась дѣятельная переписка между нимъ и княземъ Меншиковымъ, не всегда сопровождавшимъ Петра, который поручалъ ему во время своихъ отбытій управленіе всѣми государственными дѣлами. Сохранились къ сожалѣнію только письма съ 1716-го года. Въ этомъ году, 25-го Января, Петръ отправился въ свое самое продолжительное заграничное путешествіе, имѣя при себѣ маршалкомъ Матвѣя Олсуфьева. Екатерина послѣдовала нѣсколькими днями позднѣе за своимъ супругомъ и соединилась съ нимъ въ Ригѣ; въ свитѣ ея находился Василій Олсуфьевъ.

Письма обоихъ братьевъ въ періодъ путешествія изъ Риги, Данцига и Кенигсберга не уцѣлѣли, и первое по времени письмо въ длинномъ рядѣ писемъ, доходящихъ до 1727-го года, помѣчено Матвѣемъ Олсуфьевымъ изъ Копенгагена, 11 Октября 1716-го года.

*) Первая жена Матвѣя Дмитріевича была изъ рода Вельяминовыхъ-Зерновыхъ.